

I ДУМА - ДУМА ИЛЛЮЗИЙ И РАЗОЧАРОВАНИЙ

Жизнь I Государственной думы была подобна фейерверку - яркой, трескучей, короткой. Началась она 27 апреля 1906 г.

праздничным, торжественным приемом депутатов в Зимнем дворце в присутствии всей сановной, великосветской России, сиявшей роскошью и великолепием своих нарядов. Царь обратился с напутственным словом к народным избранникам. Речи самих депутатов раздались уже в Таврическом дворце, где заседала Государственная дума, - речи доселе небывалые для официальных учреждений. И по содержанию, и по эмоциональному накалу - об амнистии, о земле и воле, о гражданских свободах, о приоритете законодательной власти и о многом другом. И все это в "оркестровке" гневных запросов власть предержащим о незакономерности их действий, яростной абстракцией министрам и высокопоставленным чиновникам. Шум и гам стоял на всю Россию. Это была, по словам В.А.Маклакова, вакханалия "хуже первых дней революции 1917 г." (32, с.9). "Сей очаг призыва к бунту", по терминологии Николая II, был им распущен указом от 8 июля 1906 г., Таврический дворец закрыт. I Дума просуществовала всего 72 дня - самый короткий срок в истории русского парламента. Хотя этот результат для многих современников был неожиданным и обескураживающим, он, тем не менее, легко объясним. Сама мимолетность существования народного представительства - следствие разочарований, разбитых надежд, которые разные слои российского общества питали в отношении Думы. Все дело было в том, что быстро облетели цветы иллюзий.

Еще со времен обсуждения проектов указов 12 декабря 1904 г., рескрипта от 18 февраля 1905 г. и закона от 6 августа 1905 г. (Булыгинская дума) в правящих кругах все более крепла мысль о необходимости привлечения представителей общества к участию в предварительной разработке законодательных предположений. Им казалось, что такая мера успокоит общественное мнение, положит конец революционным пароксизмам. В конце 1905 - начале 1906 г. и вовсе сделалось "поветрием" в имущих классах убеждение, что созыв Государственной думы - это конец революции (62, с.216). Манифест 17 октября и ряд последующих юридических актов учреждали в России народное представительство, имеющее законодательные функции. При этом "верхи" делали ставку на крестьян, которые им казались самым консервативным элементом российского общества, прочной опорой самодержавия. Поэтому

именно крестьянам отдавалось много мест и законосовещательной Булыгинской думе (43% выборщиков избирались съездами уполномоченных от волостей, 34% съездами уездных землевладельцев и 23% съездами городских избирателей), и в законодательной Думе. Избирательный закон от 11 декабря 1905 г. сохранял 43% крестьянских выборщиков. За крестьян ратовал апологет исторических устоев К.П.Победоносцев ("для законодательства голос его (крестьянства - В.Ш.) важнее всех"), ретроград П.Х.Шванебах, считавший крестьян ценным балластом, который придает устойчивость кораблю - Думе в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли" (39, с. 150, 143), творец манифеста 17 октября С.Ю.Витте и другие государственные деятели того периода. С.Ю.Витте приводит в своих мемуарах как "общее суждение" высшей бюрократии, что "единственное, на кого можно положиться в настоящем смутном и революционном состоянии России, есть крестьянство, что крестьяне представляют собой консервативный оплот государства, и поэтому и выборный закон должен быть основан главным образом на крестьянстве, т.е. чтобы Дума была по преимуществу крестьянской и выражала крестьянские взгляды" (7, т.2, с.482). Огромное внимание к крестьянству было естественным и потому, что аграрный вопрос выдвинулся в центр всей социально-экономической и политической жизни страны. Действительность очень скоро развеяла этот оптимизм, упование на "охранительный дух" крестьян, "надежность" этого сословия в политическом отношении, на их консерватизм, на то, что "серячок" выручит. С.Ю.Витте, сокрушаясь, вынужден был признать, что Государственная дума получилась "гораздо более левая, чем ожидали" (7, т.3, с.366). Собственно, и самая отставка С.Ю.Витте накануне открытия Думы с поста премьер-министра и замена его И.Л.Горемыкиным была вызвана главным образом этим обстоятельством - провалом ставки на цезаризм крестьян, претендовавших, как показали выборы, на помещичьи земли, которые они и надеялись получить с помощью Думы. Учитывая возможность такого сценария, Горемыкин говорил о том, что правительство должно разогнать Думу, если она станет требовать принудительного отчуждения этих земель (7, т.3, с.233).

Горемыкин отражал точку зрения правых твердолобых дворян, проповедовавших перед открытием Думы необходимость оппозиции "против всякого правительства и Думы, если они сойдут с "незыблемого права собственности" (66, с.229). Но и для С.Ю.Витте не был приемлем крестьянский лозунг: "Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники", лозунг, осуществлении которого, как он писал, "начали добывать силою" (7, с.195), устраивали иллюминации дворянских имений", И в Думе "серячок" не выручил. Он, как желчно отзывались о крестьянстве в правой печати, стал "серым", алчно вожделевшим, домогавшимся дворянской собственности. От основного для крестьян вопроса - о земле, зависели их политические взгляды (66,с.22). Поэтому аграрный вопрос стал роковым в судьбе I Думы - сыграл решающую роль в ее роспуске. Но все же нельзя сказать, что такой поворот этого вопроса в Думе фатально обрекал ее на разгон. Даже столь "бескомпромиссный", казалось бы, вопрос нес в себе имманентные, но не реализованные на практике возможности его более или менее "полюбовного" решения, исключавшего российскую "жакерию" XX столетия, которая в своих конечных результатах, непредвиденных в деревне, привела к "холокосту" крестьянства. Во-первых, среди самих дворян-землевладельцев было не слабое течение сторонников социально-политического "гамбита", готовых пожертвовать частью своей земли, пойти на принудительное ее отчуждение в пользу крестьян в обмен на их "замирение". Даже Д.Ф.Трепов - тот самый "диктатор", который стал геростратовски знаменит из-за приказа "холостых залпов не давать, патронов не жалеть", говорил, будучи еще при всей своей власти: "Я сам помещик и буду весьма рад отдать половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраняю за собой вторую половину" (7,с.196). Помещиков, разделявших такую точку зрения, было тогда немало.

Для того чтобы положить конец восстаниям крестьянства - "этому настоящему бедствию", - настаивал Трепов, единственное средство "немедленное и широкое отчуждение помещичьих земель в пользу крестьянства" (7, с.196). И усмиритель декабрьского вооруженного восстания в Москве адмирал Ф.В.Дубасов высказывал мысль, что только "такою мерою можно успокоить крестьянство" (7, с. 198). Обсуждение на самом высоком

уровне (в Совете министров) двух проектов, основанных на принципах принудительного отчуждения - проекты профессора П.П.Мигулина и Н.Н.Кутлера были отзвуком таких настроений. Мигулин полагал, что эту меру "необходимо принять немедленно непосредственной волею и приказом самодержавного государя". Н.Н.Кутлер, главноуправляющий землеустройства и земледелия, (будущий член кадетской партии, а впоследствии - один из руководителей Государственного банка РСФСР, денежной реформы 1922-1924гг.), в преддверии I Думы пришел к убеждению о неизбежности платного отчуждения в пользу крестьян. Законопроект Н.Н.Кутлера предполагал обязательное, в известной мере за вознаграждение, отчуждение казенных, удельных, частновладельческих и иных земель, причем земли, "впусте" лежащие", кроме лесов, а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду, отчуждаются без всяких ограничений, а другие земли - в зависимости от размеров владений с выдающимися по местным условиям организации хозяйства. Общая площадь предполагаемых к отчуждению земель достигала 25 млн. десятин. Для сравнения - на первое ноября 1918 г. в Центральные губернии РСФСР (т.е. без губерний, где почти не было помещиков) было учтено 24,2 млн. десятин конфискованных земель сельскохозяйственного пользования, бывших помещичьих, удельных, казенных, монастырских, церковных. В декабре 1919 г. из 23 млн. пахотных десятин земельного фонда, отобранных у помещиков в 31 советской губернии, крестьянству в пользование перешло 20 млн. десятин, а 3 млн. десятин остались под советские и иные общественные хозяйства (38, т.2, с.529). Не снимал ли эту "аграрную революцию" с "повестки дня" проект Кутлера, который предлагал "устойчиво, а не кратковременно успокоить крестьянство" (7, с.201). Но царь пожелал, чтобы "вместо Кутлера был другой министр" (7, с.202). Ставился ли этим окончательно "крест" на каком-либо компромиссе в аграрно-крестьянском вопросе? С.Ю.Витте находил, что Думе следовало позволить обсуждение проблемы отчуждения земли в пользу крестьян. Категорическое "Нет!", прозвучавшее из уст И.Л.Горемыкина, толкнуло крестьянских депутатов влево. Между тем Думу, в целом, можно было сохранить и ввести ее работу в закономерное русло», полагал Витте. В Думе "главнейшая партия

была кадетов и если бы кадеты обладали хотя бы малою долею государственного благоразумия и понимания действительности и партия эта решилась бы отрезать от себя "революционный хвост", то I Дума просуществовала бы долго и, вероятно, имела бы за собою историческую честь введения и воплощения русской конституции так, как она была определена 17-м октябрем и последующими во исполнение манифеста 17 октября законами, созданными моим министерством. Дума же та увлеклась, зарвалась. Она была распущена ..." (Витте называет ее "Думою общественного увлечения и государственной неопытности" (7,с.356). Эта точка зрения об упущенной возможности Думы пойти на компромисс с исполнительной властью, многократным эхом отозвалась в эмигрантской литературе и исследованиях зарубежных историков. Наиболее талантливо и живо она представлена в полумемуарных работах В.А.Маклакова, постфактум устроившего своего рода суд над кадетским либерализмом, остро полемизировавшим с вождем партии народной свободы П.Н.Милюковым, оказавшимся после революции за границей и с трудом отражавшем атаки этого своего бывшего соратника по партии, обвинявшего его и кадетское руководство в излишнем радикализме, срыве компромисса с "исторической властью". Некоторые резоны, доля правды в таком обвинении есть. Но они меньше всего относятся к кадетской аграрной программе с ее сердцевиной - признанием принципа принудительного отчуждения частнособственнических земель. Эта программа не только не создавала непреодолимого барьера на пути достижения согласия с исполнительной властью, но, учитывая в известной мере настроения крестьянства, вырисовывала схему решения этой основной российской проблемы. Недаром главными экспертами кадетов по аграрно-крестьянскому вопросу были Н.Н.Кутлер и А.А.Кауфман (наряду с М.Я.Герценштейном). Проект 42-х, вынесенный фракцией ПНС в аграрную комиссию Думы, имел много общего с кутлеровским законопроектом, причем и сами кадеты рассматривали свой проект 42-х как мостик к компромиссу с исполнительной властью. В I Думе кадет Е.Н.Щепкин говорил, что этот проект представляет собой "попытку сделки с теми интересами, с теми физическими силами старого строя, которые стоят за старыми точками зрения и аграрном вопросе. Для того, чтобы не доводить

до отчаяния теперешних землевладельцев, партия народной свободы предлагает им вознаграждение и предлагает сохранение за ними усадеб и части земель" (14. 1906 г., сессия 1. т.2, стб.930-931). На мысль о такой сделке наводит и отрицательная реакция кадетов на более радикальные, чем их собственный, проекты аграрной программы неонароднических партий и фракций. Так, они добились передачи проекта 104-х в комиссию Думы, а проект 33-х и вовсе был отвергнут Думой большинством в 140 голосов.

"Сделка" не состоялась, но симптоматично, что неофициально переговоры кадетов и представителей правящих кругов велись. Председатель Государственной думы С.А.Муромцев в приватной беседе с товарищем министра внутренних дел С.Е.Крыжановским подчеркивал, что в их партии "никто не смотрит на проект [42-х] как на меру, подлежащую немедленному осуществлению, что при некотором искусстве можно было бы растянуть осуществление его лет на тридцать, а то и более и что важно сохранить лишь принцип как способ успокоения масс" (28, С.89-90). То, что этот способ не был стопроцентно безнадежен, в сущности признавал и В.И.Ленин, как раз по этой пончике многократно и резко критиковавший кадетскую аграрную программу. "Выкуп помещичьих и других земель по типу кадетской аграрной реформы, - писал он, - помазал бы по губам все крестьянство и великолепно достиг бы той цели, к которой по-медвежьи "ломит" самодержавие (Ленин имел в виду начавшуюся столыпинскую реформу - В.Ш.), именно: укрепил бы страшно крестьянскую буржуазию, сделав из нее оплот "порядка". "Но, - добавлял Ленин, Романовы, Треповы, Игнатьевы, Столыпины слишком глупы, чтобы понять это" (29, т.13, с.386-387). Ильич здесь, может быть, и "перехлестывал", но такой наблюдательный человек, как зять Л.Н.Толстого, член 1 Государственной думы М.С.Сухотин отмечал, что "кадетские решения не соответствуют той жажде, которая обуяла русского мужика" (75, оп.4, л.4; 66, с.225). В Думе трудовик М.Н.Онипко, бросая "камешки" в кадетский "огород", говорил с ее трибуны, что "миллионы голосов трудовую крестьянства сливаются в одном могучем возгласе: "Всю землю, всю волю, всему народу" и в этом священном требовании крестьяне не допустят ни малейшей урезки" (14, 1906, сессия 1, слб.623). И в немалой степени потому, что

постарался и сам Ильич, и его революционные коллеги, "растравляя" классовую борьбу: "Когда революционеры начали сулить рабочим фабрики, а крестьянам барскую землю и доказывать им, что, в сущности, это им и принадлежит, а только неправильно от них отнято, то, понятно, что рабочие были охвачены дикими забастовками, а крестьяне "красным петухом" (7, т.3, с.56). Действительно, "красный петух" работал изо всех сил. За годы первой революции было сожжено более 6 тыс. имений. Крестьяне призывали Думу как можно быстрее разрешить неотложный вопрос о земле и освободить их "от рабства помещичьего" (77, оп.1, д.287, л.147). И все-таки рациональное зерно в суждении Ильича есть, причем, как это не парадоксально, вождь большевиков, по сути, признает правоту кадетского авторитета в аграрном вопросе М.Я.Герценштейна, заявившего в Думе: "Сейчас пожар, его надо тушить, а потушить можно только увеличением площади землевладения" крестьян" (14, сессия 1, т.1, стб.454-457). Не стыкуется ли такая "возможность" с весьма ценным свидетельством Ленина о том, что большинство крестьян в России в годы революции не боролось, а просило, умоляло правительство, царя об уступках. И не довольствовалось бы оно тогда именно тем, что его "помазали по губам" аграрной программой кадетов? Большая часть "дворянских гнезд" была разорена крестьянством уже после того, как ему Горемыкины отрезали надежды на получение земли. Крестьянам и в Думе все чаще стала являться мысль о том, что "никто ничего не даст, а надо самому брать и добиваться" (66,с.63). История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, и потому навсегда останется безответным вопрос о том, довольствовалось бы крестьянство кадетским "помазанием по губам" или же оно только разожгло их аппетиты на помещичьи владения и крестьянская "лавиная" сошла бы "с гор" и тогда сокрушая и погребая под собой все эти владения.

Не только аграрно-крестьянский вопрос действительно "гвоздь" первой российской революции, но и вся обстановка в Думе и вне ее, с одной стороны, давали импульс к сближению, поискам компромисса между кадетами и представителями власти, а с другой - отталкивали их друг от друга, вызывали упреки обеих сторон в несговорчивости и неискренности. Этот противоречивый процесс взаимосближения и

взаимоотталкивания, преодолевая подъемы и спады, продолжался вплоть до роспуска Думы. В основе его лежало убеждение тех и других в том, что Дума "якорь спасения", последняя надежда на умиротворение страны. Царь, не найдя опоры в "силе", вынужден был подписать манифест 17 октября. В дневниковой записи за тот день у него вырвался крик души: "Господ помоги нам, спаси и умири Россию!" (16, с.285). "Умирить Россию" стремились и российские либералы. Не случайно уже тогда Витте, веривший "в политический такт русского общества, так как немыслимо, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей помимо всех ужасов борьбы расчленением государства" (7, т.3, с.7), вел переговоры с Е.Н.Трубецким, М.А.Стаховичем, С.Д.Урусовым с целью привлечения в свой кабинет. Накануне открытия Думы либералам казалось, что 'Дума станет действительным символом внутреннего мира' (66, с. 175). Им верилось, что там "найдется значительная и сплоченная партия, которая возьмет на себя посредничество между правительством и Думой" (78, п.34, л.72). Уверенности им придавало то, что на выборах в I Государственную думу кадеты одержали, как им казалось, "блестящую" победу и они "чувствовали себя триумфаторами" (11, с.226). Выборы состоялись в марте 1906 г. Они проходили по закону 11 декабря 1905 г. (по 4 куриям - землевладельческой, юродской, крестьянской, рабочей). Результаты выборов определялись соотношением количества выборщиков от каждой курии в губернских избирательных собраниях. Там избиралось 488 членов Думы (всего в ней должно было быть 524 депутата). Из 6156 выборщиков по 53 губерниям землевладельцы избирали около 32%, крестьяне - 43, горожане - 22, рабочие - 3%. Кадеты, действительно, на выборах одержали убедительную победу. За них нередко голосовали и крестьяне. Но наибольший успех они имели в городах. Там • т 1761 выборщика - 1468, или 83%, были сторонниками кадетов. Всего 2 апреля в Думе насчитывалось 153 кадета, или 34,1%, от общей ее численности, составлявшей в то время 448 депутатов. Надо учесть также и то, что 14 депутатов, присоединившиеся в Думе к трудовикам, прошли в Думу как кадетские избранники. Наглядное представление о распределении членов Думы по партиям дает следующая таблица:

Партия	Кол- во депутато	Процент от общего числа депутатов
Октябристы	13	2,9
Торгово- промыш.		
партия	1	0,2
Умеренно- прогрес.		
партия	2	0,2
ПДР	4	0,9
Автономисты		
(поляки, латыши. Мусульмане)	63	14,1
Кадеты	153	34,1
Трудовики	107	29,9
Беспартийные	105	23,5

(19,с.9-10).

Победа кадетов во многом была обусловлена их оппозиционным характером. Революционные организации бойкотировали Думу, и многие избиратели, которым были чужды явно недемократические партии, проголосовали за кадетов в пику правительству. Конечно, имело значение и то, что если кадеты и не имели на выборах со стороны правительства "режима наибольшего благоприятствования", то и не подвергались беспощадным репрессиям. Можно сказать, что победа кадетов вызвала у правящей верхушки и близких к ней кругов даже надежды, что с Думой все "образуется", она не станет "революционным конвентом", а будет работать мирно. Подобное течение в верхах вовсе не было слабым. Даже самое назначение старого бюрократа И.Л.Горсмыкина, ненавидящего Думу, еще ничего не решало. Он был явно переходной фигурой: "маятник" в Зимнем дворце мог качнуться в любую сторону - и разгона Думы, и сотрудничества с ней. Генерал А.А.Киреев, к мнению которого Николай II весьма прислушивался, хотя и находил, что кадеты- "мошенники", но допускал, что "может быть, они побелеют, сделавшись "властью". Начальник канцелярии

министра двора А.А.Мосолов, человек весьма неглупый и симпатизирующий Д.Ф.Трепову, которого, кстати, П.Н.Милюков в отличие от В.И.Ленина, считал умным царедворцем, по крайней мере, бывшим "дальновиднее официальных политиков" (33, т.1,с.382), передавая умунастроения Д.Ф.Трепова того времени, писал: «Основная мысль Трепова была та, что "раз император дал известные свободы и их узаконил, всякое его отступление от них явилось бы опасностью для династии... раз царь подписал манифест 17 октября, он должен поставить министерство из лиц, принадлежащих к преобладающей партии, т.е. кадетов" (35,с.46-47). Министр финансов В.Н.Коковцов оставил в своих мемуарах записи, свидетельствующие о силе этого течения в "верхах» (26. т. 1, с. 181). В его "стремнине" оказался и царь. В разговоре с В.Н.Коковцовым накануне созыва Думы он выразил надежду (и монарх не был ее чужд!), что Дума, "встретившись с ответственной работой, может быть, окажется на самом деле менее революционной, нежели я ожидаю, и в особенности, что земские круги, которым, по-видимому, будет принадлежать руководящее значение в Думе, не захотят взять на себя неблагоприятную роль быть застрельщиками в новой вспышке борьбы между правительством и новым народным представительством". Коковцов заметил на это, что в таком случае и выбор полого председателя Совета министров едва ли соответствует потребностям минуты. Царь ответил, что "Горемыкин и сам уйдет, если только увидит, что его уход поможет наладить отношения с новой Думой" (26, т. 1,с. 152; 62, с.254). Руководство кадетов мечтало об "органической" работе Думы, о том, чтобы народное представительство укоренилось как законодательный орган и в системе власти, и в сознании народа, как главный инструмент решения назревших проблем страны через Думу, а не "вне Думы", как того добивались левые партии, рассматривая ее лишь как революционную трибуну. Кадеты, как однажды обмолвился член ЦК кадетов товарищ председателя Госдумы профессор Гредескул, смотрели на революцию "как на болезнь" и испытывали не восторг, а страдание" (45, .126). Об этом хорошо знали "наверх' ". Тоже член кадетской партии, депутат I и II Государственной думы Л.Л.Муханов доверительно говорил П.А.Столыпину: "Мы люди мирные, на баррикады не

ходим" (45,с.116). Вот это их качество - и при том еще, что кадеты, как казалось "сферам", имеют авторитет в стране (на эту мысль их наталкивала победа партии народной свободы на выборах) и могут повести дело в мирном направлении, вырвав страну из революции, - порождало в высших эшелонах власти надежды на благоприятный ход думской работы, их отношений с народным представительством. Однако, несмотря на то, что, как казалось, имелась общая почва для контактов и соглашений либералов с царским правительством, в руководстве кадетов накануне Думы ясно проявилась тенденция, "если нестолковаться, то, по крайней мере, понять друг друга" (34,с.270;62,с.250), ибо кадеты стремились "направить само революционное движение в русло парламентской борьбы"(34,с.297). Они и в парламенте говорили: "Дума всегда стремилась к устранению той смуты, которая создавалась в стране... исключительно мирными путями, - в этом была ее задача" (77,т.1, д.204, л.12). Компромисса, столь для них желанного и действительно необходимого для страны, чтобы она могла избежать кошмара "революционных судорог" (терзающих ее все XX столетие), не состоялось. Но, при всей благотворности для России этого компромисса, был ли он возможен? Удивительно, но почти все главные лица, от которых зависело быть или не быть ему, считают, что шанс был, но был упущен. Одни ставят это в вину царю, его советникам, другие - либералам, прежде всего кадетам, - их несговорчивости и радикализма. В действительности, ответ сложнее, хотя в эмигрантской литературе на тему "Кто виноват?", классическую для любой эмиграции, возникающей в результате революции, содержатся и "детали", позволяющие в совокупности с другими историческими источниками и увидеть перипетии мучительного, так до конца и не пройденного пути к этому компромиссу. На мой взгляд, самая удачная формула, которая бы лучше всего объяснила столь очевидное фиаско. - "заложники времени", - именно таковыми оказались, в самом суровом и трагическом значении этих слов, не только участники "имеющего быть" компромисса, но и все россияне в начале нашего века. "Сокровенный" смысл эти формулы состоит в том, что время, упущенное для преобразований (здесь огромную негативную роль сыграла

прежде всего личность Николая II), создал "сверх напряженное" поле, "перегретое" политико-идеологическое пространство, сообщившее российскому обществу огромное несоответствие, не адекватность его ожиданий и реальности, ведущих ко все большему разгару насилий справа и слева и обуславливающих, в свою очередь, проблематичность выживания холодных расчетов реформаторов. Эпоха перводумья была временем больших надежд и потрясающих разочарований практически для всех классов и социальных групп в России и имела драматические последствия для истории страны.

Первые облака на политическом горизонте, предвещающие думско-правительственное ненастье, появились уже в самом начале работы народного представительства. Едва успев прибыть из Зимнего (с царского приема) в Таврический дворец, чтобы выбрать и качестве Председателя Думы члена партии народной свободы С.А.Муромцева, они в первой же думской речи (ее произнес председатель ЦК партии кадетов И.И.Петрункевич) потребовали амнистии для политических заключенных и вслед за тем отмены смертной казни, - столь сильным оказался эффект воздействия на них людских толп, приветствовавших их и кричавших: "Амнистия, Амнистия!". И хотя И.И.Петрункевич призывал отложить обсуждение этих вопросов до принятия ответного адреса на тронную речь, царское правительство было явно недовольно поведением Думы, с нескрываемым раздражением отнеслось к этим ее требованиям. Справедливости ради следует отметить, что хотя кадеты говорили об амнистии и смертной казни, но были далеки от того, чтобы слишком уж повышать температуру думских прений. Напротив, как потом говорил на заседании ЦК один из "дирижеров" фракции партии народной свободы в Думе М.М.Винавер (наряду с Ф.Ф.Кокошкиным и П.Н.Милюковым, хотя последний не был депутатом, но постоянно находился в парламентских кулуарах): "...наша партия умеряла требования страны к конфликтам. Постоянно нам приходилось отводить громы: амнистия, депутация, смертная казнь, - Дума не давала себя увлечь на нежелательный путь" (45,с.148). И все же, по мнению Ф.Ф.Кокошкина, партия участвовала в парламентском штурме, "иначе действовать мы психологически не могли, так как вся

страна требовала от нас штурма" (45,с. 148). На кадетов воздействовало не только давление извне, но и из среды самой партии, в которой, по словам П.Н.Милюкова, шла "борьба между разными настроениями" (33,т.1,с. 357). Для одних кадетов конфликт с властью в Думе еще не представлялся неизбежным" (33,т.1,с.306), другие "достаточно ясно представляли его серьезность" (33, т. 1, с.362). На III съезде партии (29 апреля 1906 г.) звучали и выступления о том, что конфликта нечего бояться, следует просто игнорировать правительство, игнорировать и законы изданные после 17 октября, игнорировать Государственный совет, провести всю нашу законодательную программу (кадетскую) в форме "ультиматума" или "декларации". Если "правительство не уйдет, то мы обратимся к народу с воззванием о поддержке". Если понадобится то «мы умрем за свободу». Ф.И.Родичев говорил, что Дума "разогнана быть не может; с нами голос народа". Сила Думы в "дерзании", и столкнувшийся с народом будет столкнут в бездну". Ему вторил при бурных рукоплесканиях съезда А.А.Кизеветтер: "Если Думу разгонят, то это будет последний акт правительства, после которого оно перестанет существовать". П.Н.Милюкову было ясно, что "те же настроения перейдут и в Думу". Предзнаменования были "самые плохие". А тут под занавес съезда кадеты были оглушены "событием чрезвычайной важности": 24 апреля были опубликованы "Основные законы". Тут уж П.Н.Милюков заговорил в полный голос: "Мы приобрели право быть резкими... на этот обман мы должны отвечать немедленно". Милюков считал, что этим актом правительство поставило всю политику своей власти под чрезвычайную охрану неприкосновенных для Думы законодательных норм, и тем покрыло все, что ставит преграды выражению воли народных избранников. Эта публикация (в ней инициатива пересмотра "Основных законов" придавалась лишь за царем), как бы завершала серию юридических актов, ограничивающих обещания манифеста 17 октября. Указом 20 февраля вводилась вторая, верхняя палата народного представительства, Госсовет, призванный служить законодательным "фильтром" на пути прохождения думских законопроектов. Были изданы правила 8 марта 1906 г., ограничившие права Думы в бюджетной сфере.

Поэтому можно понять бурный всплеск негодования кадетов, видевших в Думе прообраз английского парламента и готовых вести парламентскую работу.

Впрочем, П.Н.Милюков заявил, что в Думе надо работать серьезно - "отпустить нас домой тогда будет трудно и в самом деле опасно" (56,с.189). Но едва ли правы Павел Долгоруков, А.А.Корнилов и А.А.Муханов и другие делегаты съезда, внесшие резолюцию, в которой говорилось, что "правлящей бюрократии возвращена вся полнота принадлежащей ей власти" (62,с.206). Об этом следует сказать потому, что вопрос о том, насколько властным учреждением была Государственная дума, связан с общей оценкой государственного строя и возможностях Думы влиять на его эволюцию.

Существовали тогда и существует в современной исторической литературе широкий спектр оценок, заключенных между двумя крайними точками зрения: первая - Россия имела конституцию, парламент, пусть и не в классическом, полном виде, представляла собой конституционную монархию; вторая – в России, как было самодержавие, таким оно и осталось. Между этими полюсами - разноцветье мнений: думская монархия, самодержавная монархия, самодержавие, обшитое парламентскими формами, и т.д.; упоминалась в отечественной литературе и "фиктивность" российской конституции (2,8,49,53,62,63,64 и др.). В новейшей литературе силен публицистический тон, особенно при "выходе" работ на современность. Гак, профессор В.И.Старцев считает: "Ельцинская конституция фактически восстанавливала царские Основные государственные законы. Полномочия новой Государственной д/мы даже меньшие, чем у Думы царской. Как и она, новая Государственная дума лишалась контроля над исполнительной властью. Точно так же в конституции говорилось, что верхняя палата не избирается, а "формируется". Это опять возвращение к худшим царским образцам. Основные государственные законы 1906 г. были даже кое в чем лучше ельцинской конституции. Они, во всяком случае, более четко вводили принцип разделения властей, определяли сферу компетенции каждой из них (57). Вообще, о современной Думе и ее "перекличке" с Думой начала века достаточно большой и

интересный материал, рассеянным во множестве газет и журналов, аккумулирован, собран в информационном бюллетене "Разноголосица" (редактор В.В.Ишутин), -издаваемый ИНИОН РАН.

Но если вернуться к сути дискуссии о царской Думе, то мне представляется, что наиболее бы соответствовало характеру государственного строя России, установившегося тогда, его определение, как самодержавно-конституционная монархия. Внешняя противоречивость этой дефиниции отражает противоречивую реальность того времени: существовали, пусть "октроированная", куца, но конституция и монарх, который по этой конституции был самодержцем, но вовсе не "неограниченным", как до нее. В ходе обсуждения Основных законов в апреле 1906 г. царь был вынужден согласиться со своими приближенными в том, что его власть перестала быть неограниченной и он сам на вопрос о том, сохранить или исключить определение царской власти как неограниченной, нехотя, сквозь зубы ответил: "Исключить" (62, с.257). Дело не только и не столько в том, что было опущено слово, отражающее традиционную суть понятия "самодержавие", которое без этого "краеугольного камня" приобретало новый смысл. Но еще важнее новации, введенные в текст Основных законов. Они юридически закрепили происшедшие изменения в качестве самодержавия. Известный юрист В.А.Маклаков утверждал даже, что раньше зло самодержавия "заключалось именно в том, что по силе наших законов самодержец мог изданный им самим закон, не отменяя, нарушать. Он считал себя выше их. Этой аномалии не было уже в "Основных законах" 1906 г.; уже потому одному они были настоящею конституцией и делали впервые правовое государство возможным" (32,с.8). Действительно, теперь по ст.7 император должен был осуществлять законодательную власть единением с Государственным советом и думой. Законопроекты, не принятые законодательными установлениями, признавались отклоненными. По ст. 87 меры, принятые правительством во время парламентских каникул вследствие чрезвычайных обстоятельств теряли свою силу без последующего одобрения их законодательными палатами и не могли вносить изменения ни в Основные законы ни в Учреждения Государственного совета и

Думы, ни в положения о выборах в эти учреждения. Ст. 108 представляла Думе право запросов о незакономерных действиях администрации. Несмотря на ряд ограничений правилами 8 марта 1906 г., Дума сохраняла реальные права в деле обсуждения по голосованию бюджета и др..

Таким образом, Дума вовсе не была декоративным цветком на фасаде прежнего самодержавия. Но это не значит, что не существовало громадной диспропорции в обладании властью. Царь сосредоточил в своих руках ее львиную долю. Об этом свидетельствовало уже сохранение за ним титула "самодержец". Искключительно его прерогативой по-прежнему являлся почин и пересмотр Основных законов, высшее государственное управление, руководство внешней политикой, объявление войны и заключение мира, верховное командование армией и флотом, военное законодательство, объявление местности на военном или исключительном положении, право чеканки монеты, назначение или увольнение министров, помилование осужденных, общая амнистии. Ст. 11 во многих случаях фактически позволяла императору законодательствовать в обход Государственного сонета и Государственной думы, так как указы, издававшиеся царем "для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления", нередко ничем не отличались от законов. На деле и 87 статья о "чрезвычайном законодательстве" в силу ее частого применения стала чрезвычайно обедненной. И не явилась ли подобная гипертрофия власти обстоятельством, провоцирующим российские смуты XX столетия? По крайней мере, ограничение прав Думы не прибавило лояльности ее депутатам. Атмосфера в Думе часто была раскаленной, но с формальной стороны все аппарансы многосложной парламентской процедуры, регламент, наказ во многом благодаря монументальной фигуре, выдержке и знаниям председателя Госдумы С.А.Муромцев, которого современники единодушно признавали "прирожденным" председательствовать в заседаниях, в целом, соблюдались. Именно С.А.Муромцев, еще в преддверии I сессии Думы, начал в соответствии с царским Указом от 20 февраля 1906 г. "Учреждение Государственной думы", регламентирующим основные вопросы ее работы, составлял, "наказ", определяющий внутренний распорядок

Думы, деятельность ее совещаний, обязанности канцелярии Думы, ее пристава и т.д. С.А.Муромцев и другие кадетские лидеры, несмотря на неприятный осадок, вызванный изданием Основных законов, все же в начале Думы надеялись, что конфликта между правительством и Думой, к которому стремились левые внутри и вне ее, не произойдет. Как писал в эмигрантском "далеке" П.Н.Милюков - это был "короткий промежуток нашей "идиллии", когда мы еще не потеряли надежду провести в Думе свой план "в строго парламентском порядке" (33,т.1,с. 371). Давало им эту надежду и то, что они заняли в Думе руководящее положение (2/3 мест в президиуме Думы, 16 мест председателей отделов из 22, 7 председателей постоянных и 15 временных комиссий, 56,5% состава всех комиссий).

Кадеты стремились придавать парламентарый стиль своим думским выступлениям. С этой точки зрения они истолковывали приветствие царя депутатам в Зимнем дворце как "тронную речь". Ответом на нее должен был быть и адрес, который должна была представить избранная Думой специальная депутация в личной аудиенции. Это должно было быть как при парламентарном режиме единственным случаем прямого обращения народного представительства к монарху. И они занялись составлением адреса, намереваясь включить в него все свои пожелания (56,с.213-215).

Но весь думский парламентаризм, к чему ее так приучали кадеты, дал осечку: "Наш "парламентаризм",- писал П.Н.Милюков, - "ускорил конфликт с министерством Горемыкина", которое "решило игнорировать все наши парламентские приемы. Наша делегация не была принята царем; на "адрес" мы получили ответ не от имени царя, а от того министерства, которое мы не считали заслуживающим доверия". При этом Думе инкриминировалось вмешательство в царскую прерогативу (33,т. 1, с.372). 13 мая И.Л.Горемыкин произвел фурор в Думе, выступив со знаменитой декларацией, грубой по форме, слабо мотивированной по содержанию и суть которой решительное "Нет!" желаниям думского адреса: " Никому. никогда, ничего". Характерно, что накануне царь ознакомившись с декларацией, потребовал, чтобы ее текст был "еще более резок

и решителен" (26). Дума ответила резкой критикой декларации, приняв мотивированный переход к очередным делам "только закрепивший, как писал В.Н.Коковцов, "назревший разрыв ее с правительством" (26,т.1, с.166). Дума едва ли могла поступить иначе. Декларацию в какой-то мере можно поставить в один ряд с расстрелом рабочих 9 января 1905 г. И тогда, 9 января, и теперь, 13 мая, сама власть, разрушив надежды многих россиян на улучшение их жизни "сверху", мирным путем, наносила сильнейшие удары по престижу правительства и самой монархии. После 9 января многие рабочие перешли свой "рубикон" и обратились от просьб и петиций к революционному насилию, социалистические идеи начали царствовать в их среде.

Либералы опасались, что теперь декларация сыграет роль детонатора нового взрыва крестьянских выступлений. И основания у них были. По крайней мере, крестьянин Лосев, выступая с думский трибуны, уподоблял российское крестьянство библейскому Самсону: "Я не ручаюсь за то, выдержит ли этот несчастный Самсон, или также упрется и скажет: "Умри, душа моя, с филистимлянами!" (14,1906, сессия I, с.350-351), Для кадетов декларация как раз и была неприемлема прежде всего тем, что правительство вырывало у них из рук "главное орудие умиротворения, успокоения России..., переносила центр тяжести народного сочувствия от партии народной свободы к партиям революционным (14,т.1, стб. 308). По словам златоуста кадетской фракции Ф.И.Родичева, 13 июня "наши надежды рушились... Вместо сотрудничества мы встречаем со стороны »власти отпор" (14,Т.1, стб. 427). И кадеты "завелись": "Раз нас призывают к борьбе, - говорил Набоков,- раз нам говорят, что "правительство является не исполнителем требований народного представительства, а критиком и отрицателем, с точки зрения принципов народного представительства мы можем сказать только одно: "Исполнительная «власть, да покорится власти законодательной!" (14, т.1, стб.325-326). Уже очень скоро кадеты посчитали такой "штурм" ошибочным, но неизбежным, поскольку его требовала вся страна. В.А.Маклаков и в эмиграции твердил, что деятельность либералов в Думе "оказалась сплошным отрицанием конституции". По его мнению, все неконституционные поступки и заявления, как отдельных

членов, так и Думы, вытекали из того понимания, которое они имели о себе и своей роли. Они считали ее одну представительницу "воли народа", которая "выше конституционных формальностей". С первых шагов они потребовали уничтожения верхней палаты, как средостения, подчинения министров себе, установления строя, где "монарх только царствует, но не управляет". Что такое понимание было переоценкой своей фактической силы и недооценкой силы противника - это ясно. Но оно, кроме того, было и отрывкой идеологии главной язвы России - самодержавия" (32, с.7). Дума - "претендовала на то, чтобы ее воля считалась выше законов" (32,с.8). "Главный грех 1 Думы был в том, что она подорвала ту "мистику конституции", которая овладела страной в 1904-1905 гг. (32,с.9), иначе говоря, в том, что не закон, а произвол, насилие сверху и снизу де факто получили право прописки в России, создавая тот заколдованный круг, который не в силах была разорвать либеральная альтернатива развития страны.

Но очевидным это стало для части либералов только после отрезвляющего для них опыта перводумья. А очень для многих из них уже и на чужбине, спустя годы, после изнурительного марафона революционного лихолетья. В середине же 1906 г. "думский урок" еще продолжался. Дума раскалялась все больше: обсуждение вопросов, главным образом внесенных в ответный адрес, а также запросов (всего их в 1 Думе было внесено 391, из них 123 спешных) и ответы на них представителей администрации (часто сопровождаемые обструкциями, криками, самый невинный из которых - "В отставку!"), порой, напоминали митинг. Это раздражало и одновременно пугало правящие верхи, считавшие, что Дума, речи ее депутатов только раздувают пламя революции. Они не прочь немедленно были закрыть Думу, но их останавливала боязнь, что за ее роспуском последует сильная вспышка революции с непредсказуемыми последствиями. Эта ситуация определяла серьезную борьбу в правящих кругах сторонников и противников разгона Думы. Вот почему конфликт между правительством и Думой носил затяжной характер - на него влияло некоторое поправление кадетов в Думе и то, что они, составляя наиболее многочисленную и организованную ее фракцию, в известной

степени умеряли ее пыл ценой компромиссов, межфракционной дипломатии.

Вес это привело к тому, что "верхи» решились начать переговоры с либералами о создании министерства доверия (о кадетском и коалиционном кабинете), которое должно было "сработаться" с Думой, внести успокоение в страну. В совете министров серьезно ставился вопрос об общественном министерстве, как об одном из вариантов выхода страны из революционного кризиса (76, оп.1, с.2-3). Размышлял о том, что сделать, чтобы "Дума встала на мирный путь", и Николай II. Со стороны правящих сфер в переговорах принимали участие Д.Ф.Тропов, П.А.Столыпин, А.П.Извольский, А.С.Ермолов и др. Со стороны либералов - С.А.Муромцев, П.Н.Милюков, Д.Н.Шипов, А.И.Гучков, Н.Н.Львов, П.А.Гейден, М.А.Стахович и др. Царь стоял в центре всей этой "интриги". Наиболее ревностным апологетом "призвания" кадетов в министерство был Д.Ф.Трепов, по словам Милюкова, искренне заинтересованный в успехе плана парламентского кабинета, который "спасал Думу от роспуска, а Россию от революционного исхода" (62,с.287). Коалиционное министерство не устраивало кадетских лидеров. Им не улыбалось пребывание в одном кабинете с умеренными либералами из-за того, что те явно не могли найти общий язык с Думой. Но также из-за неизбежной критики кадетов за альянс с соседями справа. И, последние, например, П.А.Гейден, склонялись к чисто кадетскому министерству. Наверху полагали, что кадеты, войдя во власть, поправеют. Они и сами в ходе переговоров неоднократно подтверждали это, но все же заявляли свою программу (образование ответственного министерства из думского большинства, принудительное отчуждение земли, амнистия, всеобщее избирательное право, пересмотр Основных законов, отмена Государственного совета и т.д.). Далеко не все из нее принималось сановными участниками переговоров безоговорочно. Кадетам приходилось даже печатно их "вразумлять", что "партия не может отказаться не теряя лица от этих позиций" (амнистия, принудительное отчуждении т.д.). Но шансы на создание кадетского, и министерства становились все призрачнее по мере возрастания противодействия Д.Ф.Трепову, министру двора Б.В.Фредериксу, флигель-адъютанту А.Ф.Гейдену и другим, кто

ратовал за кадетское министерство со стороны Столыпина, Коковцова, В.Ф.Трепова и других. Это противодействие было обусловлено обстановкой в стране и состоянием дел в Думе, все более четко прорисовывающих "физиономию" и влияние ее фракций на направление деятельности народного представительства. Самое важное то, что положило конец переговорам о кадетском министерстве и утверждало верхи в решении распустить Думу - это их убеждение, - кадеты не хозяева в Думе. А.А.Киреев писал П.А.Столыпину, что "брать кадетов для пополнения министерства (и даже составить все министерство из кадетов) было бы верхом наивности, дело в том, что кадеты сами по себе не представляют силы. Они сильны революцией, а их речи, бахвальство "имеют лишь то значение, которое им придается трудовиками. Кадеты - маска революции, делать им уступки, их ублажать не стоит. Этим мы революционеров не купим, не умаслим" (62,с.290). И на заседании совета министров говорилось: "До каких же пределов допускать компромиссы и уступки? До уровня правых или же левых кадетов или до программы трудовиков? Практически министерство, созданное из каких бы то ни было общественных деятелей, призванное для политики компромисса, неизбежно должно быть осуждено на повторение той политики, которую вел граф Витте с 17 октября по конец ноября, т.е. политики боязливых уступок и деморализации администрации при растущей дерзости революционных партий" (62, с.284-285). Наверху явно боялись "попасть на наклонную плоскость и быть преданными кадетами" (66,с.76). Коковцов говорил царю, что их партия "слишком много наобещала крайним левым элементам и слишком явно попала уже в зависимость от них, чтобы удержаться на поверхности. Она сама будет сметена этими элементами". И добавил еще: "Мы не выросли еще до конституционной монархии чисто парламентского образца"(26, т.1, с.177). Подобное мнение высказывалось не только в правительственных инстанциях. Оно было широко распространено в российском обществе. Да и сами кадеты не были чужды этой точке зрения. Если в начале июня П.Н.Милюков в беседе с П.А.Гейденем признавал, что положение кадетского министерства было бы отчаянным (74, оп. I ,д. 103. л. 31),

то в конце июня 1906 г. он уже считал невозможным удержаться у власти кадетскому министерству. И хотя с конца апреля прошел небольшой срок, от самоуверенного заявления лидера кадетов о том, что его партия "может вывести Россию из рокового импасса" (34), остались только горькие воспоминания как о несбывшейся надежде. "Протрезвление" наступало стремительно, и Милюкову пришлось признать: "Наша победа на выборах оказалась вовсе не такой полной, как нам казалось сгоряча" (33, т.1, с.363). Характерно, что одну из своих глав воспоминаний он назвал: "Наша сомнительная победа (I Дума)" (33, т.1, с.251).

Вскоре после начала сессии в Думе началась поляризация фракций. Образовались новые группы со своими интересами и пристрастиями (56, с.24). Особенно досаждали кадетам трудовики. Своим аграрным радикализмом они часто путали карты кадетам. Обстановка в стране вела к тому, что кадеты все реже "косили глаза" налево и все резче и чаще критиковали революционные методы борьбы. При встрече с А.П.Извольским и П.А.Столыпиным в разговоре о возможном формировании кабинета из большинства Думы у П.Н.Милюкова вырвались слова о том, что кадетское министерство сумеет "задушить революцию". Однако П.А.Столыпин, доложив в беседе с царем об этом, высказал убеждение, что подобное невозможно (41, с.60). Ведь П.А.Столыпину П.Н.Милюков заявлял те же условия сформирования министерства, что и Д.Ф.Трепову. Вождь кадетов полагал, что по принятии власти без всяких условий кадеты будут дискредитированы и потеряют всякое доверие в стране. Даже сам факт переговоров о министерстве многие члены Партии народной свободы подвергали резкой критике, и фракция дала согласие на эти переговоры, потребовав от своих вождей неукоснительного соблюдения двух условий: абсолютного большинства кадетов в совете министров и согласия царя на земельную реформу. П.Н.Милюков тогда сразу же заявил, что переговоры вряд ли могут иметь успех, что власть ни под каким видом не согласится на земельную реформу. В случае же компромисса с властью те демократические элементы, которые шли с кадетами, как отмечал Маклаков в письме к М.М.Винаверу, "не поняли бы и с нами бы не пошли". Это было

бы подлинной трагедией для руководи гелей кадетской парит(66,с.78). Во фракции Партии народной свободы было мнение, что "в интересах дела желательно, чтобы власть попала к кадетам не сейчас, т.к. это грозит им многими неприятными последствиями, ибо сама по себе идея власти настолько непопулярна в глазах революционного населения, что всякий, взявший ее в свои руки, уже не выйдет чистым". В ЦК даже высказывалось мнение, что кадеты "будут непременно съедены революцией". Несмотря на стремление кадетов "сдержать, рост возбуждения в Думе" (66,с.79), призыв их к власти и вполне возможен после того, как они потерпели афронт в связи с дебатами по аграрному сообщению правительства от 20 июня и прений по контрсообщению. Правительство объявило принудительное отчуждение убыточным для самих крестьян. Это было вызовом крестьянству. Стремясь сохранить авторитет Думы, член партии Демократических реформ В.Кузьмин-Караваев предложил выработать проект контрсообщения. Социал-демократы и трудовики предпочли обратиться к народу. Кадеты, в большинстве своем признав необходимость обращения, видели основное его назначение в призыве народа к спокойствию. Обращение было принято лишь 124 голосами кадетов (53против; 101 - воздержались), но их предложение сообщить его текст министру внутренних дел для опубликования не могло баллотироваться из-за того, что отсутствовал кворум (14, т. II, стб. 2069). Считая, что за кадетами нет ничего, кроме "тумана общественности", и что они лишь служат "трамплином для революции" (28,с.89), правящие верхи решили в ближайшие же дни распустить Думу. На это решение весьма повлияла настойчивость Горемыкина, Коковцова, Столыпина и др. Характерно, что Столыпин 4 июля посетил Думу и внимательно слушал, записывал прения депутатов. А вечером он выступил на совете министров с большой речью о необходимости роспуска Думы - "кадетам не овладеть положением" (66,с.81). Это мнение в верхах (несмотря на известное противодействие Д.Ф.Трепова, В.Б.Фредерикса и их сторонников) возобладало: "Бог знает, что произойдет, если не распустить этого очага призыва к бунту" (26,т.1,с.211).

Профессор В.И.Герье, внимательно следивший за всеми думскими перипетиями и как бы подытоживая их, писал: "Всякое партийное правительство только ухудшило бы дело: в руках крайних партий оно повело бы даже невольно к поощрению иллюзий, к еще большему разгару страстей, содействовало бы всеобщему разложению; в руках же искренних либералов оно бы оказалось бессильным или впало бы в противоречие со своими принципами". Верхи и либералы сделали страшное и неожиданное для себя открытие, словно бы заглянули в пропасть: Дума сама по себе не то средство, которое прекратит политический аукцион, ведущий к беспределу радикализма. А в "низах" прочно засела мысль, еще шире открывающая шлюзы этому радикализму: Дума - "говорильня", ждать им от нее нечего. Кадеты впоследствии признавали, что "Дума никаких корней в народе не имела" (45,с. 224). Таким образом, "медовый месяц" иллюзий прошел, суля еще более ожесточенное силовое противостояние. Именно потому, что либералы опасались нового возгорания революции и стремились помешать этому, многие из них поехали в Выборг, в Финляндию и там вместе с трудовиками и депутатами других фракций (числом около 200 из 499 от состава Думы) подписали "Воззвание", призывавшее народ не платить налоги и не давать новобранцев в армию, надеясь, что "пассивное сопротивление" поставит предел активному сопротивлению (61,с.60-93).

Здесь сыграли свою роль также и настроения левой части кадетов, и стремление удержаться на высоте обещаний, не оторваться от народа, уже потому, что без давления снизу не могло быть никаких реформ. Собственной же сколько-нибудь активной социальной базы, Опираясь на которую либералы могли бы проводить свою политику, а не светить "отраженным светом", у них не было. В этом заключалась одна из особенностей российского либерализма, обусловивших его политическую "несамостоятельность", частые политические отклонения от своей сути. Правительство, не получая с мест сообщений о бурной реакции против роспуска Думы и подавив локальные вспышки военных восстаний в Свеаборге и Кронштадте, осмелело; прервало переговоры с горстью умеренных либералов о вступлении их в министерство (чтобы прикрыть факт роспуска

либеральной ширмой), начали деятельно готовиться к новым выборам.

Эпоха I Думы закончилась. Она вошла в историю как Дума неоправданных и неоправдавшихся надежд, реальных и мнимых шансов успешно выдержать экзамен на государственную зрелость, способность закрепить в общественном сознании идею парламентаризма. Очевидный же парадокс: основное, центральное значение этой идеи для либералов, так мощно представленных в Думе, и вместе с тем отсутствие думских корней в народе объясняется довольно быстрым освобождением русского общества от веры в Думу, как универсальное средство для врачевания "больных" вопросов того времени.